

***

Олегу Горгуну

мы встретимся зимой у KFC,
чтоб выпить кофе, а скорее, чай.
пока я жду, ещё на небеси
не отдана команда: «выключай
луну и зажигай тоскливый день» —
как и любой в той замкнутой стране.
давай съедим какую-нибудь хрень,
поговорим при утренней луне.
что бог послал: картофель-фри,
потёртый бутерброд из рюкзака.
Венеция, мой друг, как ни смотри,
что та луна, отсюда далека,
(да и любая точка вообще).
а близок только страха уголок,
и всё серьезно. от таких вещей
укроет ли поэзии дымок?..
но если в нас хоть что-то есть
от тех, о ком так много говорим,

так то, что мы рассеяны, как персть
земная, и развеяны, как дым.
но время истекло, и что сказать?
прощаться — но нам нечего прощать.

больше не терять и не искать.
больше не искать и не терять.

***

Рано утром разгружал вагоны,
обретя забвенья радость в деле.
А над складом серые вороны
пели, пели, пели, пели...

Вот и всё. Последний тюк ложится
в пирамиду, кончив танец до упаду.
Взять расписку, после доложиться
менеджеру, чтоб кидал оплату.

Над цехами плыли туч гидроцефалы.
— Будет дождь!
— Без зонтика! Не каркай!
Спутник мой теперь — вот этот малый:
он владеет банковской картой.

Знаю: не оставит, не обманет,
а попросишь — так предложит сигаретку.
Небосвод калёной сталью налит.
А домой по красной ехать ветке.

Неторопливый ветер
в пыльное бьётся окно.
Я ничего не заметил.
Лето почти прошло.

Что-то уходит, что-то,
корабль с увечным ребром.
Августовский, жёлтый
закат проникает в дом.

Видишь, солнечный зайчик
карабкается по стене.
Он ничего не значит.
Просто потерянный, не-

прикаянный отсвет
огня, угодивший в клеть
зеркала, чтобы на осень
грядущую посмотреть.

Тихо форточку тронув,
ускоришь его прыжок
в темень, за дымы вагонов,
за город, звёздный лужок,

за вещи, дела, разлуку.
Лето умчится прочь.
Ты берёшь мою руку,
и наступает ночь.

***

моим стихам, написанным так плохо,
что и классрук бы не признал, что я поэт;
что не спасёт их ни редактор, ни эпоха,
ни аккомпанемент, ни пистолет;

им, писанным с обиды ли, по пьяни,
да просто при проезде в городском
автобусе, где ноги оттоптали,
придёт черёд знакомиться с костром,

испепеляющим и файлы «ворда»,
и всё, к чему он устремит крыла,
до атома, до знака будет стёрто.
но если от рождённого тепла

ты улыбнёшься, скованная спячкой,
и выдохнешь среди зимы большой,
то значит, я не зря бумагу пачкал
наполнившей чернильницу душой.

***

Найти отца. Сказать: «Привет.
Узнал меня? Мне тридцать лет».
Да, время поспешать гораздо.
Найти отца. Но это бред.
Надрыва требует поэт
И сочиняет всяко разное.

Он, может быть, совсем не рад:
Тогда родился невпопад —
Теперь же зверем из тумана
Возник. Что видно в свете фар?
Как гасит лет лесной пожар
Его седин последних манна?

Он, может быть, не так уж жив,
Как на том фото, где, склонив
Чуть набок голову красиво,
Рука в руке, сидит с ним мать,
Чтобы вдвоём обозреть
Даль за воронкой объектива.

***

проснуться и жить и заново всё понимать
как сороконожки строк атакуют тетрадь
как пыль под кровать проникает как тать

солнечный луч заблудившийся в хрустале
радугой рассыпается на столе
страшные вещи творятся кругом на земле

на стёклах окна дрожит и крепчает весна
в землю ложатся люди и семена
жизнь прекрасна смерть гуще населена

помыть себе яблоко и заварить кофеёк
и зафиксировать пару бессмысленных строк
вся эта ложь добру молодцу не урок

новости пролистать репортажи с войны
зависнуть жуя и анализировать сны
жизнь продолжается ей хоть бы хны

с балкона запах постиранного белья
кофе перекипает через края
мая спасительная моя

как в первый раз прорасти в отлаженный быт
птицы щебечут и добрых полмира спит
никто никого никогда не простит

Молитва

пусть на всё будет вечная воля твоя
пусть играет слепой в метро
пусть несёт пассажира в такие края
где воды дождевой ведро

пусть под звук новостей достаёт из кулька
жена за продуктом продукт
пусть невинный питает надежду пока
что за ним уже не придут

пусть спелёнуто будет в тугом плуще
зданье где производят суд
пусть с вестями выйдет свидетель в плаще
и пусть его не спасут

пусть звонит твой колокол и от греха
продолжает завод грохотать
пусть останется толща пространства глуха
недуг звонаря глухота

пусть насытит живительный твой никотин
усыпляет твой кофеин
пусть мы не того ничего не хотим
пусть мы не о том говорим

пусть ветра растреплют обрывки реклам
срок акции столько-то дней
мы вернёмся в этот разрушенный храм
чтобы выслушать сердце камней

пусть покажет страшные цифры табло
выключается обогрев
пусть я встану столбом ни с того ни с сего
среди комнаты замерев

***

Ты говорила. Была права.
И на песках был воздвигнут дом.
Потом на песке проросла трава,
На месте песка созрел чернозём.

Я брёл по пескам. Искал, искал,
Как здешний ветер, былых болот.
Дым проплывал, и желтел оскал,
Я не нашёл ничего. И вот

Я вернулся — сгореть от стыда —
Сюда — а твой облик уже незрим.
Сюда, где ты — уже никогда.
Где дым над болотами непобедим.

Я заблуждался. Я был неправ.
Сок, корешок со мной, перегной.
Перешептать шум и шелест трав,
То, что зовётся здесь тишиной.

***

О.З.

в твоём «ничего, мы выкарабкаемся»
мне слышалась некая «рыбка».
нежданная рыбка сверкнула в потоке речи,
пустилась в плаванье, раскрутила меня на улыбку,
тёплые плавники одеяла положила на наши плечи,

смяла постель, булькнула в батарее,
клюнула на крюк луны, спеша до отбоя
в форточку вынырнуть, чтобы достать нам быстрее
звезду. и рассыпаться блёстками на обоях.

Разные облака. Странные облака.
Грозные облака. Страшные облака.
Белые облака. Беглые облака.
Дрейфуют себе далеко.
Дрейфуют издалека.
Сколько лет я живу —
держатся на плаву.
Сколько наломанных дров
прячет их белый покров.
При всём изобилии форм —
витков, завихрений, волн —
в точности никогда
не повторяют предмет:
бутылку, велосипед,
чайник, коровьи стада.
Домысливаю черты,
спасаясь от пустоты:
серебряное — это ты,
а вросшее корнем в зарю —
пусть это я. Говорю.

Возьми меня под крыло.
Давай подобьем бабло.
Сколько товаров-услуг
отмерено нам, мой друг.
Сколько дней и ночей,
всяческих мелочей,
браслетов, колец, татух.
Пока не споёт петух.
Татух, браслетов, колец.
Пока не придёт конец.

О том, как гремят поезда,
ревёт в ливнёвках вода,
пылает дракон-закат,
и я не хочу назад,

в прокуренный кабинет
пьяным встречать рассвет.
На спинке одежды висят,
и я не хочу назад.
За неурожайный стол —
туда, откуда пришёл.
О том, как смывает волна
с берегов имена,
я говорю тебе.
Слышишь ли ты меня?

***

С печальным лицом догоняет теплушки
Луна, слишком низко склонясь над Землёй,
как будто сестричка — над старшей заблудшей.
Туч непродаёт, но за матовой мглой
ей видится: в некий город прибрежный
стервятников-кораблей нанесло.
Кончается жизнь, как чернила в стержне:
всегда неожиданно, на полусло...

Деревья листвою немолчное что-то
наигрывают на незримом фоне.
И сорванный лист, словно лишняя нота,
кричит композитору: «Не оно!»
Звучания нет, а значит, значения
нет. Одиночество — это когда
качает ветер пустые качели:
баюкает пустоту пустота.

***

Владимиру Глазову

Пойдём с тобой гулять. Возьмём пакет вина,
такой картонный параллелепипед.
Не глядя на запрет, прилюдно, как вина
необъяснимая, до дна он будет выпит.

А лучше я к тебе на вечный дым приду,
где ветхая, как склеп, твоя библиотека,
и, сев под полками, там как бы обрету
среди мудрых мертвецов живого человека.

С балкона на твоём четвёртом этаже вид:
старенький биллборд — сквозь кремовую дымку
и жёлтый новострой. Должно быть, так душе
смешно смотреть, плывя со строчкою в обнимку.

Я, охмелев, скажу: «Прочтут лет через сто
и нас». Ты, скептик, молвишь: «Путь неблизок!..»
Потом стусит тьма, незримо, будто кто
из нас край неба сигаретой выжег.

***

вечером хватился, когда подошёл к дверям,
вывернув карманы: наушники потерял.

но, хоть песня крутилась целый день в голове
и жаждала воплотиться, я говорю себе:

хорошо, что это не паспорт, не шарф, не зонт,
не поводок, берегущий от взгляда за горизонт;

не ключ, без которого нечем было бы открывать
дом, где холодильник, ноутбук и кровать;

не скидочная карта, не карта на метро,
не медицинская карта, не карта, где бабло.

не жизнь с её лошадиной улыбкой за горсть овса.
а музыка была дивной.
но вышла вся.